ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

№ 3 (1114). Понедельник, 15 января 1945 г. Цена 45 коп.

Сегодня исполняется 150 лет со дня рождения великого русского писателя А. С. Грибоедова.

А. С. ГРИБОЕДОВ

Отмечая 150-летие со дня рождения великого русского писателя Александра Сергеевича Грибоедова, мы чествуем память одного из замечательнейших борцов за торжество человеческого разума над силами тьмы, мешавшими развитию нашего народа. Юбилей Грибоедова празднуется в дни приближения окончательной победы над врагом, свидетельствуя о той уверенности в торжестве человеческого разума, которая вдохновляет нас на борьбу с фашистским мракобесием. В этой борьбе Грибоедов—наш соратник и современник. Его вера в человеческий разум, его глубокий патриотизм созвучны возвышенным и благородным целям, поднимающим наш народ на его титаническую борьбу.

«Грибоедов принадлежит к самым могучим проявлениям русского духа», — писал Белинский. Грибоедов был человек громаднейшего ума и исключительных способностей. Писатель, поэт, дипломат, музыкант—во многих областях человеческого знания он проявил свою талантливость, богатство своей натуры. Писатель-патриот, он нераздельно любил Россию. Этой любовью к ней и продиктована была его комедия «Горе от ума», ставшая основным делом его жизни. Грибоедова воодушевляла та подлинная любовь к родине, которая не мирилась с угнетенным положением русского народа. Он хотел видеть Россию и свой народ свободными и счастливыми. В этом основная идея, высокий пафос его комедии, в этом ее живая связь с современностью.

В комедии Грибоедова показана вся русская жизнь его времени. В ней дана беспощадная и едкая критика мира Фамусовых и Молчалиных, мира барской косности и отсталости, бюрократического бездушия, чиновничьего карьеризма, крепостнического застоя — того поистине страшного мира, который нес гибель благородным идеалам и чувствам, провозглашенным передовыми представителями тогдашнего общества. Грибоедов был близок к декабристам, и самая комедия его во многом была выражением их устремлений.

В гневных и горячих монологах Чацкого, возбуждавших ненависть к самодержавно-крепостническому строю, дана уничтожающая критика представителей этого строя, всего дворянско-бюрократического общества. Убийственная сила иронии Грибоедова разоблачила подлинную сущность Фамусовых, Молчалиных, Скалозубов.

Следует отметить еще одну важную черту в творчестве Грибоедова—это чувство истории, подлинный историзм его комедии. Грибоедов много глубже и шире своих современников понимал современную ему действительность. Он болезненно переживал отдаленность лучших представителей передовой интеллигенции от народа. В этом трагедия Чацкого, в этом была трагедия декабристов. Грибоедов прославил в своей комедии благородную независимость ума, пылкое стремление к свободе, одушевлявшей лучших русских людей того времени. Белинский, Добролюбов, Чернышевский, Горький высоко ценили революционный пафос комедии, ее «негодование на действительность». Ее значение для современников сказалось и в том, что запрещенная царской цензурой комедия Грибоедова переписывалась от руки декабристами и стала известна в русском обществе в сотнях списков.

Любовь к отчизне, желание видеть свой народ сильным, просвещенным и свободным руководили писателем, когда он создавал свою пьесу. Поэтому с таким гневным сарказмом обрушивается его герой Чацкий на светское общество, на тех людей, которые не верят в силы своего народа, которые лишены чувства национального достоинства. Он видит «спасенье» общества в обращении к народу, «умному и бодрому», протестуя против поверхностного подражания иностранцам.

«Горе от ума» является примером подлинного реализма. Грибоедов создал образы большой общественной значимости и сатирической силы. Но в то же время он не окарикатуривал действительности, а обобщал основные черты различных слоев современного общества, наделял своих героев той жизненностью, правдивостью и конкретностью, которая заставляла современников искать в его персонажах портретного сходства.

Комедия Грибоедова, как и «Недоросль» Фонвизина, знаменовала начало русской национальной драматургии. Комедии и пьесы Гоголя, Островского, Сухово-Кобылина во многом обязаны Грибоедову. «Горе от ума» явилось образцом реалистической силы и правдивости образов, психологической углубленности характеров, художественного мастерства.

Сжатый, «молниеносный», как назвал его Белинский, стих комедии, его эпиграмматическая точность, его естественность открывали новую страницу в развитии русского стиха. Грибоедов наряду с Пушкиным и Крыловым явился родоначальником того общенародного литературного языка, который свидетельствует о прочной и плодотворной связи русской литературы с языком и творчеством народа.

Меткие, искрящиеся остроумием выражения и образы Грибоедова вошли в язык народа, его комедия стала источником множества крылатых слов и выражений, бытующих, как пословицы, оправдавших предвидение Пушкина, который, прочитав комедию, писал: «О стихах я не говорю: половина должна войти в пословицы». Точными, иронически беспощадными формулами грибоедовских стихов широко пользовался В. И. Ленин в своей борьбе с противниками революции.

Значение комедии Грибоедова не исчерпывается ее ролью в развитии русской драматургии. Она оказала большое влияние на развитие всей русской культуры. Образы «Горе от ума» стали достоянием замечательных русских художников и артистов. «Горе от ума» явилось лучшей школой жизненной правды для русского театра. На исполнении ролей комедии Грибоедова вырастали и прославились такие признанные мастера русской сцены, как Щепкин, Мочалов, Южин, Станиславский, Качалов, Савина, Ермолова, Садовская, Яблочкина.

Юбилей Грибоедова отмечается всем нашим народом. Его комедия ставится на сценах не только русских театров страны, но и в театрах братских народов. Всему советскому народу равно дороги благородные идеи и горячее патриотическое чувство пьесы. Вера Грибоедова в правду своего народа, в торжество человеческого разума над силами тьмы особенно близка нам сейчас, в дни победоносной войны с немецкими насильниками. Поэтому с новой силой звучат для нас бессмертные стихи великого русского писателя-патриота.

В СОВНАРКОМЕ СССР

О мероприятиях по увековечению памяти А. С. Грибоедова в связи со 150-летием со дня его рождения

В связи с исполняющимся 15 января 1945 года 150-летием со дня рождения великого русского писателя Александра Сергеевича Грибоедова, Совет Народных Комиссаров Союза ССР **постановил:**

1. Воздвигнуть в Москве, Ленинграде и Тбилиси памятники А. С. Грибоедову.
2. Присвоить имя А. С. Грибоедова:
а) школе № 29 г. Москвы;
б) школе № 203 г. Ленинграда;
в) библиотеке Октябрьского района г. Ленинграда.
3. Издать полное собрание сочинений А. С. Грибоедова.
4. Установить бронзовый бюст А. С. Грибоедова в актовом зале Московского ордена Ленина Государственного университета им. М. В. Ломоносова.
5. Установить мемориальные доски: на здании Московского ордена Ленина Государственного университета им. М. В. Ломоносова, где учился А. С. Грибоедов, и на доме № 14 по ул. Герцена в г. Ленинграде, где жил А. С. Грибоедов.
6. Учредить стипендии им. А. С. Грибоедова в следующих учебных заведениях:
а) Московском ордена Ленина Государственном университете им. М. В. Ломоносова — 4 стипендии по 400 рублей в месяц каждая для студентов филологического факультета и 2 стипендии в размере по 800 рублей в месяц для аспирантов кафедры русской литературы;
б) Ленинградском ордена Ленина Государственном университете 2 стипендии по 400 рублей в месяц каждая для студентов филологического факультета и 1 стипендию в размере 800 рублей в месяц для аспирантов кафедры русской литературы;
в) Тбилисском Государственном университете 2 стипендии по 400 рублей в месяц каждая для студентов филологического факультета:
г) литературном институте Союза советских писателей 3 стипендии для студентов по 400 рублей в месяц каждая;
д) Государственном институте театрального искусства 2 стипендии для студентов по 400 рублей в месяц каждая.

Указ Президиума Верховного Совета СССР

О НАГРАЖДЕНИИ КОМПОЗИТОРА ГЛИЕРА Р. М. ОРДЕНОМ ЛЕНИНА

За выдающиеся заслуги в области музыкального искусства, в связи с 70-летием со дня рождения, наградить композитора Глиера Рейнгольда Морисовича орденом **Ленина.**

Председатель Президиума Верховного Совета СССР М. КАЛИНИН.
Секретарь Президиума Верховного Совета СССР А. ГОРКИН.

Москва, Кремль 11 января 1945 г.

Указ Президиума Верховного Совета СССР

О НАГРАЖДЕНИИ ПИСАТЕЛЬНИЦЫ АНТОНОВСКОЙ А. А. ОРДЕНОМ ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ

За заслуги в области художественной литературы, в связи с 60-летием со дня рождения, наградить писательницу Антоновскую Анну Арнольдовну орденом **Трудового Красного Знамени.**

Председатель Президиума Верховного Совета СССР М. КАЛИНИН.
Секретарь Президиума Верховного Совета СССР А. ГОРКИН.

Москва, Кремль. 13 января 1945 г.

НАГРАЖДЕНИЕ ПИСАТЕЛЕЙ МЕДАЛЬЮ «ЗА ОБОРОНУ МОСКВЫ»

Постановлением Исполнительного комитета Московского Совета депутатов трудящихся от 3 января 1945 года группа писателей и работников ССП СССР награждена медалью «За оборону Москвы».

12 января в Московском клубе писателей секретарь Красно-Пресненского райкома ВКП(б) тов. Н. Попова от имени Президиума Верховного Совета Союза ССР вручила медаль «За оборону Москвы» писателям: В. Бойчевскому, С. Васильеву, А. Глебову, Т. Дубинской, А. Калинченко, Н. Кальма, Н. Комовской, Ю. Любомирскому, С. Маршаку, Г. Мдивани, А. Митрофанову, А. Майрановскому, П. Нилину, И. Сельвинскому, Г. Федосееву, Р. Фраерману, О. Черному, Е. Шевелевой, В. Шкловскому и М. Юнович, секретарю парторганизации ССП СССР Б. Сучкову, работникам аппарата Союза писателей Е. Авксентьевской, И. Любанскому, Л. Козловскому, Е. Лавровой, А. Полищук, В. Фирсановой и В. Шафиру.

Медалью «За оборону Москвы» награждены также писатели: Б. Галин, В. Гофф-феншефер, Н. Рыленков, А. Толстой и А. Фадеев, комендант здания Союза писателей С. Гусев.

Посмертно награждены медалью писатели А. Афиногенов, И. Меншиков, А. Новиков-Прибой, Е. Петров, В. Ставский, И. Уткин.

Леонид ЛЕОНОВ

СУДЬБА ПОЭТА

Доклад на торжественном заседании в Большом театре Союза ССР

Есть свойство в человеческой природе: мы привыкаем ко всему, что ежеминутно, гордой радостью должно наполнять наше сердце. Великие исторические благодеяния, самые источники жизни нашей мы от рожденья принимаем за естественные дары судьбы. Мы привыкли и к солнцу... Но в мыслях отмените его на минуту, и какой холод грянется на ваши души!

Это происходит от преизбытка духовных сокровищ, которых, на протяжении тысячелетья, вдоволь внес в мировую культуру мой честный, трудолюбивый народ. Мы не хвастаемся, мы только напоминаем, что культура есть процесс живой, таинственный и хрупкий, она нуждается не только в поэтах и ученых, но и в солдатах, героях и мучениках. Она как атолловый остров, где верхнее кольцо прочно покоится на неподвижных нижних. Останови эту жизнь, и вмиг его поглотят ночь и волны... Мы собрались как раз в минуту, когда небывалая буря терзает человеческое море. Вся нечисть преисподней поднялась из бездны, чтоб захлестнуть солнце. Слава народу моему, который ныне, чуждый национального эгоизма, свой новый вклад в дело культуры вносит самой дорогой валютой бытия, кровью лучших своих сынов!

Человеческая культура потому и требует беспрерывного обновленья, что еще ползает зло по земле, и не ослабляют напора стихии, ветвится и множится насущная людская потребность, недостает ей опыта предков и ветшают знаменитые книги. Все старится, как все течет. От бестелесной символики дантовских терцин до нас дошел как бы барельефный, нуждающийся в обильных примечаниях, портрет эпохи. Не осталось губительных стрел в памфлете Дефо; каждая своевременно впилась в грудь врага, и вот пустым колчаном играют дети. Но нам дороги эти, порою пропыленные страницы, воспоминанья о юношеских днях человечества. И как бы далеко ни ушло оно по пути к своей неистребимой мечте о справедливости, на его горизонте позади вечно будет сиять, как снеговой хребет, гигантский мрамор Илиады. Такова же судьба и блистательного творенья, автора которого мы собрались почтить сегодня.

Есть книги, которые читаются; есть книги, которые изучаются терпеливыми людьми; есть книги, что хранятся в сердце нации. Мой освобожденный народ высоко оценил благородный гнев «Горя от ума» и, отправляясь в дальний и трудный путь, взял эту книгу с собою... Но великие не нуждаются в лести, и для писателя было бы нечестным в отношении учителя утверждать значение его комедии в том, что образы ее в прежней молодости живут до сегодня. На расстоянии века, полного в нашей стране событий всемирного значения, неминуемо должен был измениться и облик грибоедовского произведения, как изменилось все с тех пор. Не та стала Россия, перешагнувшая историческую пропасть, не та Москва, не те стали мы с вами. Наш нынешний враг коварней и подлей, но скоротечнее его судьба, судьба микроба, замыслившего на прахе богатырей основать свое микробье царство. Есть и теперь свой отпечаток у Москвы, но уже не фамусовской Москвы, музейного собранья французских модниц и вояк, бальных шаркунов и подхалимов, специалистов по дамской части и пламенных, но редких печальников об участи народной, — но Москвы новой, еще неслыханной, первой в мире социалистической столицы и крупнейшего культурного центра. Новый герой, который еще ждет своих Пушкиных и Грибоедовых, народился на Москве, и, сказать правду, далеко до него Чацкому.

По горькому признанью Грибоедова, в одном из вариантов «Горя», предки наши привыкли верить с ранних лет, «что ничего нет выше немца». С тех пор мы узнали подлинную направленность германской культуры, которая не сумела укротить срамное первобытное зверство своих воспитанников. И что наш крепостной, столетней давности, толстый барин Фамусов со своим кустарным «забрать бы книги все да сжечь!» Даже десять Гельмгольцев или Вирховых не смогут искупить один Майданек! Как видите, за этот век мы шли вперед, а они катились назад, и будем справедливы, движенье их было быстрее нашего!

В стремлении помочь истории мы железом соскребли с ученой немецкой хари дешевую краску ширпотребной цивилизации и вдруг с гадливым презреньем увидели под этим тухлым мифом гестаповца Вепке из Львова, что упражняется на досуге в разрубании десятилетних отроков секирой, двурогой секирой, от темени до паха. Да и самый мир с тех пор стал умнеть, «как посравнить, да посмотреть век нынешний и век минувший». Миллионами крестов история отметила ошибки на широких полях, на полях тетради этого плохого ученика. Он неизмеримо ближе теперь к заветному времени, когда, освободясь от последних рабских пут, он сможет без помехи, по слову Чацкого, «вперить в науку ум, жаждущий познаний».

«Горе от ума» предстает перед нами не в том виде, в каком оно явилось перед изумленными современниками. Мы отмечаем классические линии совершенной драматургии, словесные богатства, предельное мастерство шахматных ходов, — они видели в ней первую, пока поэтическую программу национального развития. У нас она вызывает смех, — в них она будила ярость или совесть. Это отличное драматическое произведение, ставшее для нас наравне с «Ревизором» образцом реалистической комедии нравов, живет сегодня уже второю молодостью.., но пусть и первая молодость наших книг станет такой же яркой и сильной!..

«Горе от ума» родилось на переломе двух непримиримых эпох, когда Россия и ее слово еще не пробудились от оцепенения, но уже источилась пленка забытья, и обрывки действительности все чаще проникали в сознанье, мешаясь порой с узорами романтических сновидений. Силой исторических обстоятельств, после своих великих дел перед Западной Европой, Россия вынуждена была проходить школу европейских знаний, накопленных там за века монгольского—у нас—владычества. Забывчивый ученик немало и натурой получал за учебу и временами деспотически вмешивался в русскую жизнь. Преувеличенные дозы часто внешнего европеизма калечили нашу жизнь и парализовали гормоны собственного роста.

Вспомните, всего лет за тридцать до рождения Грибоедова русская академия посылала Вольтеру вместе с уникальными архивными документами шубы из отборных голубых лисиц и, для наглядности, золотые медали русских царей, чтоб написал он для нас историю нашего Петра. Подумать только, что отсылку этих кладов поручили Ломоносову, нашему северному Леонардо, чей сторукий гений во всех областях искусства и знания оставил по себе следы! Вот пример неуверенности общества в своих национальных силах. Если сопоставить с Радищевым, также размышлявшим о Петре, наши в таких фаворах не бывали... К слову, труд этот, хоть и на иностранном языке, получился отменно плохой.

Старинный должок из Европы прибывал к нам, естественно, в иноземной духовной упаковке, к тому же дул оттуда благодетельный освободительный ветерок, — все это накладывало властную, иногда сковывающую печать на весь строй жизни нашей дворянской верхушки, безмерно удаляя ее от подавленной, черной крестьянской массы. Все помнят, что один из искреннейших друзей Грибоедова ставил ему в заслугу, что он хорошо говорит по-русски; знать из'яснялась на иностранных диалектах, чтоб народ не мог прочесть ее мысли... Русским людям необходимо было, отвергнув дух «пустого, рабского, слепого подражанья», критически отнестись к импорту цивилизации, — им следовало своим умом и самостоятельно выработать характер своих законов и учреждений, применительно к самым основным, неколебимым особенностям народа и его истории. Нужно было очистить нашу жизнь от золоченой шелухи иностранных влияний и благородным металлом искусства пробурить ее до творческих недр народа, откуда сами собою забьют ключи сказочной живой воды.

Стихийно это понимал и сам народ. Как раз в эту пору, осознав опасность иноземного вторжения, народ русский лавиной, по-львиному ринулся через всю Европу. Но могучие руки, придавившие Наполеона в его берлоге, не смогли порвать николаевские цепи. Не было ни плана, ни вожаков; были только порох без пушек, да песня без слов. Российская словесность, в меру сил, и пока—без широкого охвата отражала действительность верхнего слоя; не было в этой словесности громового, после Радищева, голоса, способного пробудить страну и язык русский от затянувшейся национальной немоты. Страна томительно ждала Пушкина и, может быть,— в особенности, — Грибоедова.

Он пришел из той самой среды дворянства, которое ему предстояло осудить и на которое опирался первый, верховный помещик империи. Грибоедов хорошо знал это сословье, только его и знал он; даже из окна фамусовского дома не видна под'яремная ницая Россия. У автора «Горя» не было своей Орины Родионовны. Грибоедовская комедия оказалась миной могучей взрывной силы и многократного действия, заложенной в фундамент крепостнического общества, — в наши военные дни это солдатское сравненье есть высшая хвала поэту. Естественно, что значение и место ее в русской жизни сразу угадали николаевские миноискатели. Перед читателем народным она появилась лишь годы спустя, когда Грибоедова уже закопали на горе Давида, над городом, который он так любил. Первый полный текст ее появился лишь сорок шесть лет спустя —вот как они боялись Грибоедова.

Первый тираж «Горя» был размножен не на типографских станках, но руками патриотов, и можно представить, как обжигали сердце эти рукописные листки, как взрывалось впоследствии на сцене это глубоко поэтическое и словесно даже сдержанное произведение. Злое пламя грибоедовского сарказма ворвалось в сотни помещичьих гостиных в тот момент, когда, опочив от недавних военных трудов, Фамусовы благодушествовали со своим Сергей Сергеичем. Страшный зверообразный лик глянул на них со страниц комедии, и вот они плевались в это правдивое зеркало, другие виновато опускали глаза, потому что узнали себя в присных своих.

Одновременно с ликованием друзей, как черные клубы дыма, поднялись — ябеда, брань, клевета, доносы и сама всемогущая зависть, это подпольное восхищение неудачников. По разноречивым взволнованным отзывам современников можно судить о силе удара. И сам Белинский дрогнул, умея даже ошибаться страстно, этот человек вначале страстно не понял Чацкого.

То была суматоха крупнейшего общественного скандала. Комедию тем яростней терзали цензора, чем громче рукоплескала ей прогрессивная часть обеих столиц, — ее взвешивали на весах трех классических единств, и все стремились определить, кто же он таков, господин Чацкий, осмелившийся поджечь уютный и гостеприимный фамусовский дом, и кто надоумил его на этот неблаговидный поступок? На протяжении десятилетий дотошные литературные следователи искали в мировой литературе его родню и сообщников, придираясь к похожим ситуациям и строчкам, и выяснили подконец, что он пошел от мольеровского Альцеста и Демокрита из виландовских «Абдеритов», от вольтеровского Танкреда и грессетовского Клеона, от шекспировских — двух сразу — Тимона Афинского и Гамлета, от шиллеровского маркиза Поза и данкуровского — чорт знает кого!.. Плохая критика всегда предпочитает подбирать старые, готовые ярлыки, нежели выдумывать новые обозначенья явлений, на что приходится тратить, конечно, бесценные соки спинно-головного мозга. Более серьезных критиков занимало, чего больше в Чацком и, следовательно, в духовном отце его, Грибоедове, — славянофила или декабриста, либерала или патриота.

Для нас, нынешних, Чацкий был прежде всего русским человеком, осознавшим не только свою национальную самостоятельность, но и ее высокие нравственные задачи. Это был молодой русский человек, как мы являемся сегодня, вне зависимости от возраста, молодыми советскими людьми: человеческий прогресс всегда был двигателем, горючим, которому служит молодость. «Горе» не было для России ни набатом, ни сигналом боевой трубы, по которому на богатырскую схватку с народной бедою встают исполины родной земли... Но кто решится потребовать большего от этих зачинателей и одиночек? Герцену было 12 лет, когда появилось «Горе». Чернышевский родится пять лет спустя, и почти астрономическое, в полвека, расстояние отделяет эту эпоху от Ленина. «Горе от ума» было криком среди полной ночи, — криком, что гадко и подло жить в обществе, где людей меняют на собак и где стыдятся назвать себя русскими из опасения смешаться с народом.

Успех этой книги широчайшего общественного анализа был бы немыслим, если бы высоким идейным качествам не соответствовали такие же литературные достоинства. Ее архитектура совершенна. Она исполнена отличным, крыловского басенного склада и пушкинской выразительности стихом. Такой краткости, когда портрет рисуется с полуреплики, у нас не достигал почти никто. Мы с детства пользуемся формулировками комедии для определения житейских положений. Сам Ленин неоднократно пользовался разящим грибоедовским словом в знаменитых битвах со своими и — нашими политическими противниками.

Значение гениального произведения проступает по мере того, как проверяется годами его обширная, в родной почве, корневая система. И если ни ленивое забвенье потомков, ни бури века не могут заглушить его, и свежие отпрыски бегут от ствола, и молодость сбирается, как сегодня, под его старые ветви, — такое произведение само повышает уровень родного искусства, оно способно старым своим, испытанным хмелем будоражить новые, еще не созревшие идеи, с его вершин открываются более широкие горизонты национального бытия. Пусть множится в наших мальчишках задиристый и увлекающий вперед патриотизм Чацкого! И если бы не было своевременно Чацких у нас, где коротали бы мы этот вечер? Может быть, на краю света в дымных чумах, и огарок стеариновой свечи казался бы нам чудом цивилизации!

За минувшие сто лет эта книга впитывалась в кровь и разум воспитанных ею поколений. За малым исключением, на ней пробовали зрелость мысли все русские писатели. Сотни прославленных наших актеров и критиков, художников и режиссеров прикладывали к ней, как к святыне, свои толкование и мастерство, и те становились тоньше и глубже, превращаясь во всесветно знаменитое волшебство нашего искусства. Оно учило вражде к национальному застою, презрению к социальным пороками, гадливости к любой душевной грязи. Со школьной скамьи нас обжигала эта честная, без униженности и лести, преданность России: русское Грибоедов любил беззаветной, беспамятной любовью, и даже наивная его привязанность к старой русской одежде имеет особое место в его духовной биографии. Вот он возвращается осенью 19-го года из Тавриза, и пыльный отряд его шагает рядом и поет песню — «Солдатская душечька, задушевный друг...», и слезы навертываются на глаза Грибоедова. Родина!

Но старый ворон, любитель мертвой кости Аракчеев тоже был русский, и, может быть, тоже любил ее по-своему. Иезуитская штучка Растопчин также родился в России. Шишков, президент николаевской академии, провозгласивший школы очагами разврата, был тоже русский, и сам архимандрит Фотий, обязанный Пушкину своей посмертной славой, не принял бы его за «инородца». Но в то время как эти реакционные современники и даже поэты содрогались перед словом «народ» или пользовались им ради легкой рифмы, стремились заковать его в живописный и ржавый панцырь прошлого. Грибоедов, как и декабристы, в русской старине и в наследии предков искал прежде всего величия и доблести духа, как примеров для подвигов в настоящем.

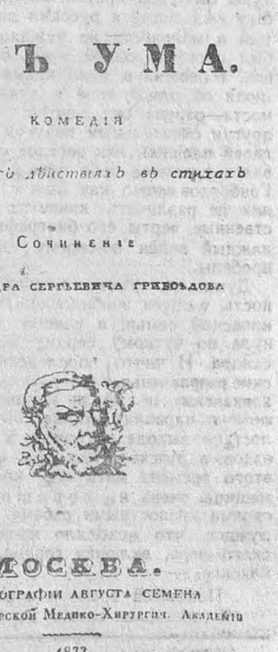
Так, значит, разная бывает любовь к родине: иная заключается в том, чтобы не допустить ее до творческих мук возрождения, которые ей исторически необходимо пережить. Значит, та любовь прогрессивна, что ведет нацию вперед, а не цепляется плачевно за ноги, волоча назад в девственную древность, где ее одолеет любой трехнедельный улалец, искатель легкой добычи. И как Грибоедов воевал против тех, кто хотел «чтобы отечество наше оставалось в вечном младенчестве!»

Представляет особый интерес бегло пробежать по рабочим тетрадям Грибоедова, порою — распаханным творческим полям, куда оставалось лишь бросить семена сюжета. Как пример целеустремленности автора стоит напомнить первую же заметку из петровской эпохи об одном, по тогдашнему говоря,—«инородце», который по возвращении из чужих краев был пожалован Петром в офицеры, а его господин — в матросы; тот же крепостной раб дослужился потом до контр-адмиральского чина. Или—замысел драмы «1812-й год», где ополченец-крепостной, совершив в войне все надлежащее герою, возвращается под палку господина и накладывает на себя руки... Его «дезидерата» и путевые заметки дают право заключить о глубине грибоедовских познаний. Помимо литературных произведений, он оставил нам и критические статьи, и музыкальные сочинения, и государственные проекты. Он говорил, что совестно читать Шекспира в переводе. Но кроме английского и персидского, необходимого ему по его дипломатической работе, он свободно владел другими главнейшими европейскими языками, читал по-латыни, изучал арабский и санскритский, а по-турецки занимался с Муравьевым-Карским, самым недобрым из всех, оставивших воспоминания о Грибоедове. Образованнейший человек века, он собственным примером подтверждал свою приписку к письму к Шаховскому — «чем просвещеннее человек, тем полезнее он отечеству». Он как бы говорит нам, своим литературным наследникам, — «вы, нынешние, ну-тка!»

Попробуем нарисовать, как он представляется нам сквозь дымку почти полутора столетий. В год его смерти наш великолепный гравер Уткин сделал по рисунку Риваролля портрет Грибоедова. Мне кажется, что этот простой, тонированный серым гравюрный лист более соответствует облику писателя, чем раскрашенный впоследствии Крамским борелевский рисунок. Александр Сергеевич Грибоедов освещен здесь слабым, как бы темничным светом тогдашней России. В очках, с пристальным взором исследователя — не на литератора похож он, а скорее на врача, стоящего у изголовья России. К этой поре относится его признанье Бегичеву: «комедии я больше не напишу, веселость моя исчезла». По отзывам современников, — обворожительный собеседник, он был опасный противник в споре. Холодное и меткое остроумие уживалось с отзывчивым, даже чувствительным сердцем, — и вот мы приближаемся к главному, что предстоит выяснить нам.—В 23-м году он жалуется Кюхельбекеру на душу свою — «для нее ни-

Окончание см. на 2 стр.

Заглавный лист альманаха «Русская Талия», где впервые напечатан был текст нескольких сцен «Горе от ума».



ГОРЕ ОТЪ УМА.

КОМЕДІЯ

въ четырехъ дѣйствіяхъ въ стихахъ

Сочиненіе

АЛЕКСАНДРА СЕРГѢЕВИЧА ГРИБОѢДОВА

МОСКВА.

ВЪ ТИПОГРАФІИ АВГУСТА СЕМЕНА

при Императорской Медико-Хирургич. Академіи

1833.

Обложка первого издания «Горе от ума» (1833 г.).